

Говард Филлипс Лавкрафт

Странный дом в тумане на вершине горы

(The Strange High House in the Mist)

К северу от архаического Кингспорта карабкаются к небу высокие и необычные с виду утесы, громоздя друг на друга террасу за террасой, пока самый северный из них не повисает в небе замерзшим серым облаком. Одинокая безрадостная вершина вонзается в бесконечное пространство, ибо там берег резко поворачивает в месте, где великая река Мискатоник вытекает из распростершихся за Аркхемом равнин, принося с собой лесные легенды и коротенькие, но необычайные воспоминания холмов Новой Англии. Мореходы Кингспорта взирают снизу вверх на этот утес, как мореходы прочих краев на полярную звезду, и отмеряют ночные вахты по тому, как он закрывает и потом открывает созвездия Большой Медведицы, Кассиопеи и Дракона. Среди звезд он на равных присутствует на тверди небесной, хотя и скрывается, когда туман укутывает звезды или солнце.

Некоторые из утесов мореходы любят, как тот причудливый камень, который именуют Нептуном-батюшкой, или тот, чьи столповидные ступени называют Мощной Дорогой; но вот этого они опасаются – потому что он так близок к небу. Приближающиеся к берегу португальские моряки, завидев его, осеняют себя крестным знаменем, а старики-янки твердо уверены в том, что подняться на него можно только ценой жизни, если таковое вообще возможно. Тем не менее на вершине утеса находится старинный дом, и вечерами люди видят огни за мелкими переплетами окон.

Дом сей находился здесь всегда, и как говорили люди, в нем обитал Тот, кто беседует с утренними туманами, поднимающимися из глубин, и, быть может, видит необычайные вещи в океане в те мгновения, когда кромка утеса становится краем всей земли и торжественные колокола бакенов вызванивают в белом неземном эфире. Так говорят они понаслышке, ибо на сем запретном утесе никого не бывает, а местные жители не любят наводить на него свои подзорные трубы. Летние гости-дачники, впрочем, исследовали его через собственные не знающие опаски бинокли, но никогда не видели ничего другого, кроме старинной, крытой седой дранкой островерхой кровли, карнизы которой спускаются почти до серого фундамента, и тусклых желтых огоньков в крохотных окошках, в сумерки выглядывающих из-под карнизов. Летние жильцы эти не верят в то, что Тот обитает в этом древнем доме уже сотни лет, однако не способны убедить в своей ереси ни одного природного жителя Кингспорта. Даже Жуткий Старец, беседующий со свинцовыми маятниками в бутылках, оплачивающий свой провиант столетней давности испанскими золотыми и хранящий каменных идолов во дворе своего допотопного дома на Водной улице, может сказать на сей счет лишь то, что так было уже, когда его дед был мальчишкой, то есть в непостижимой древности, когда губернатором Его Величества провинции Массачусетс-бей был то ли Белчер, то ли Ширли, то ли Паунолл, то ли Бернард.

Но однажды летом в Кингспорт прибыл философ. Звали его Томасом Олни, и он преподавал нудные предметы в колледже возле Наррангасет-бей. Прибыл он с дородной

женой и резвыми ребятишками, утомленный лицезрением одного и того же в течение многих лет и обдумыванием одних и тех же старательно вышколенных мыслей. Он взирал на туманы от венца Нептуна-батюшки и пытался войти в мир их белых тайн по титаническим ступеням Мощной Дороги. Утро за утром проводил он, возлежа на утесах и заглядывая за кромку мира, тающую в непостижимом эфире, внимая призрачным колоколам и диким крикам – вполне возможно, что просто чаек. Позже, когда туман рассеивался и перед глазами его оказывалось прозаическое море с дымками пароходов, он вздыхал и спускался в город, в котором любил бродить по старинным узеньким улочкам, спускающимся с холмов и поднимающимся на другие холмы, исследуя попутно великолепные, но ветхие щипцы и необычайные стойки дверей, за которыми укрывались от непогоды столько поколений крепкого морского народа. Он даже разговаривал с Жутким Старцем, не испытывавшим симпатии к чужакам, и даже заслужил приглашение в его жутко древний домишко, в котором низкие потолки и источенные древоточцем панели насквозь пропитались отголосками беспокойных монологов, произносимых в темные полуночные часы.

Вполне естественным и неизбежным образом Олни заметил находящийся в небе над головой серый дом, в котором не бывает гостей, вросший в землю на том самом утесе, что сливается воедино с туманами и с твердью небесной. Всегда этот дом возвышался над Кингспортом, и о тайне его всегда перешептывались на кривых улочках этого города.

Жуткий Старец прохрипел историю, которую слышал от собственного отца: как однажды ночью молния ударила из этого домика ввысь, в облака высокого неба; а Бабуся Орн, чей крохотный домишко под мансардной крышей на Корабельной улице доверху зарос мхом и плющом, проворчала, что, дескать, ее бабушка рассказывала ей с чужих слов о силуэтах, хлопая крыльями влетавших из восточных туманов прямо в узкую дверь сего недостижимого места, ибо дверь та обращена к океану и настолько близка к краю утеса, что ее видно только с находящихся в море кораблей.

Наконец, устремившись к новому для себя и непознанному, не находя препон в виде страха кингспортцев и обычной для летних дачников лени, Олни пришел к жуткому решению. Вопреки консервативному образованию, а может быть, и благодаря ему, ибо скучная жизнь порождает томительное стремление к неизвестному, он принес великую клятву подняться на северный заповедный утес и побывать в необычайно древнем сером доме у подножия неба. Вполне понятным образом здравая часть его души твердила, что домишко этот населен жильцами, которые попадают в него со стороны суши более легким путем: по гребню, вытянувшемуся вдоль эстуария Мискатоника. Возможно, они работают в Аркхеме, зная, насколько мало в Кингспорте любят их место жительства, или просто потому, что не могут одолеть склон со стороны этого города. Олни прошел вдоль малых скал до того места, где великий утес надменно вздымался ввысь, сочетаясь с предметами небесными, и вполне убедился в том, что ни одна человеческая нога не способна ни спуститься, ни подняться по нависающему южному его склону. На востоке и севере утес на тысячи футов перпендикулярно поднимался из воды, так что доступной могла оказаться только его западная сторона, обращенная к суше и Аркхему.

Итак, однажды августовским утром Олни отправился искать путь к недоступной вершине. Он шел на северо-запад по проселочным сельским дорогам, мимо Хуперова

пруда и старого кирпичного порохового заводика к пастбищам, поднимающимся к гребню над берегом Мискатоника, откуда открывается очаровательный вид на белые георгианские шпили Аркхема, поднимающиеся за лигами лугов и воды. Здесь он обнаружил уводящую в Аркхем тенистую дорогу, однако так и не обрел нужной ему тропы, ведущей в сторону моря. Леса и поля теснились к высокому берегу над речным устьем, не обнаруживая никаких признаков человеческого присутствия; вокруг не было даже каменной изгороди или отбившейся от стада коровы, – лишь высокая трава, великанские деревья и чащобы колючих кустарников, которые могли видеть еще первые из индейцев. Неторопливо поднимаясь к востоку, оказываясь все выше и выше над эстуарием и все ближе и ближе к морю, он обнаружил, что путь дается ему со все большим, и большим, и большим трудом, и подивился тому, как обитатели этого немилого места ухитрялись сообщаться с внешним миром, и решил, что даже на рынке в Аркхеме они бывают нечасто.

Потом деревья вокруг поредели, и далеко внизу под собой он заметил холмы, старинные крыши и шпили Кингспорта. С такой высоты казалась гномом даже Центральная горка, и он различил очертания древнего кладбища возле Конгрегационалистского госпиталя, под которым, согласно молве, существовали некие ужасные пещеры или ходы. Впереди тянулись заросли травы и кустиков черники, а за ними на голой скале уже маячил тонкий гребень крыши страшного серого коттеджа. Здесь гребень скалы сужался, и у Олни начинала кружиться голова от собственного одиночества в небе над пропастью, обрывавшейся к югу над Кингспортом, и над вертикальным обрывом, почти на милю возвышавшимся на севере над устьем Мискатоника. Вдруг перед ним появилась глубокая, в десять футов расселина, так что ему пришлось с помощью рук спуститься вниз на наклонное дно, а затем не без труда и риска вскарабкаться на природный откос на противоположной ее стороне. Так вот как совершают свой путь между землей и небом жители этого зловещего дома!

Когда он выбрался из расселины, еще собирался утренний туман, однако впереди были отчетливо видны высокие стены обители порока, серые, словно скала; и высокий конек отважно вонзался в молочную белизну морского тумана. Тут он заметил, что в обращенной к суше стороне дома нет никакой двери, только маячит пара мрачных решетчатых окошек, застекленных круглыми панелями на манер окон семнадцатого века. Вокруг него царил облачный хаос, и Олни ничего не видел за пределами белого безграничного пространства. Он остался один в небе перед сим странным и смущающим душу домом; и когда, бочком, украдкой подобрался к передней части дома, заметил, что стена стоит вровень с краем утеса, так что к единственной узкой двери можно было добраться только из пустого эфира, ощутил укол такого ужаса, который нельзя было полностью объяснить одним положением двери. Крайне странным было уже и то, что столь источенная дранка еще лежит на крыше и изъеденный непогодой кирпич еще способен сохранять форму трубы.

Туман сгущался, и Олни попробовал подобраться к окнам на северной, западной и южной сторонах дома, однако все они оказались запертыми. И он был отчасти рад тому, что они заперты, ибо чем более осматривал этот дом, тем менее ему хотелось попасть внутрь. Тут его приковал к месту звук. Брякнул замок, скрипнул засов и послышался

долгий скрежет, как если бы кто-то долго и с опаской открывал тяжелую дверь. Звук раздался на невидимой для Олни, обращенной к океану стороне дома, где узкий портал открывался в тысячах футов над волнами туманного моря.

Потом внутри дома раздалась тяжелая, целеустремленная поступь, и Олни услышал, как открываются окна, сперва напротив обращенной к нему северной стороны дома, а потом на западной, как раз за углом. Далее последовали южные окна, под длинными и низкими карнизами, возле которых он стоял; и следует отметить, что ему стало более чем неуютно при мысли о том, что по одну сторону от него находится отвратительный дом, а по другую – зияет пустота. Когда застучали ближайшие к нему оконные створки, Олни снова перебрался на западную сторону, припав к стене возле уже открытых окон. Было очевидно, что хозяин дома вернулся домой, однако не по суше и не с помощью воздушного шара или любого мыслимого воздушного корабля. Шаги прозвучали снова, и Олни бочком скользнул на север; однако прежде чем он мог отыскать укромное местечко, прозвучал негромкий голос, и он понял, что встречи с хозяином дома уже не избежать.

Из западного окна выставилась широкая чернобородая физиономия, в глазах которой светился отпечаток зрелищ, доселе неизвестных. Однако голос был мягок и отдавал непривычно старинным обращением, так что Олни не затрепетал, когда из окна высунулась загорелая рука, чтобы помочь ему перебраться через подоконник – в низкую комнату, обитую черными дубовыми панелями и обставленную резной тюдоровской мебелью. Человек этот был облачен в весьма древние одеяния, и его осенял не знающий места и времени ореол мореходных наук и высоких галеонов. Олни не запомнил многие из чудес, о которых поведал ему незнакомец; не запомнил он и того, кем был хозяин дома; однако говорил, что держался тот со странной любезностью, в которой ощущалась наполнявшая ее магия неизмеримых пучин пространства и времени. Небольшая комнатка была залита зеленым и неярким глубинным светом, и Олни заметил, что выходящие на восток окна не открыты, но отгорожены от туманного эфира тусклыми панелями, напоминавшими донца старых стеклянных бутылей.

Из того, что бородатый хозяин казался молодым, однако в глазах его светилось знание древних мистерий, а также из поведанных им повестей о чудесных древних предметах и тварях можно было догадаться, что деревенские правильно утверждали, что он общался с морскими туманами и небесными облаками все то время, пока внизу стояло селение, из которого, с нижней равнины, можно было наблюдать за его безмолвной обителью. День близился к концу, а Олни все слушал и слушал сказания о давних временах и краях далеких: о том, как короли Атлантиды боролись со скользкими богопротивными мерзостными тварями, ползшими из щелей в океанском дне, и о том, что многоколонный и заросший водорослями храм Посейдона до сих пор можно увидеть в полночь с борта сбившегося с пути корабля, и что увидевшие этот храм на таком корабле понимали, что обратно не выплыть. Хозяин вспомнил время Титанов, однако с большой сдержанностью повествовал о сумеречном первом веке хаоса, предшествовавшего богам и даже рождению Старших из них, и о том, когда другие боги явились, чтобы плясать на вершине Хатег-Кла, что высится в каменистой пустыне возле Ултара за рекой Скай.

В этот миг раздался стук в дверь – в древнюю, обитую гвоздями дубовую дверь, за которой лежала только бездна с белыми облаками в ней. Охваченный ужасом Олни

вздрыгнул, однако бородач жестом приказал ему оставаться на месте, а сам на цыпочках подошел к двери, чтобы заглянуть в крохотный глазок. Увиденное ему не понравилось, и потому он приложил палец к губам и на цыпочках пошел вокруг, закрывая и запирая все окна, прежде чем возвратиться на древнюю скамью возле Олни, который по очереди узрел в прозрачных квадратах каждого из крохотных подслеповатых окошек весьма причудливый черный силуэт нового гостя, из любопытства явно пустившегося вокруг дома, прежде чем отбыть восвояси, и возрадовался тому, что хозяин дома не впустил его, ответив на стук. Ибо странные твари существуют в великой бездне, и искателю видений следует постараться не растревожить нечистые и сомнительные.

А потом начали собираться тени; сперва чуточку смутные, под столом, а затем более смелые, в темных уголках возле панелей. Тогда бородач произвел загадочные жесты молитвы и зажег высокие свечи в причудливой работы медных подсвечниках. При этом он часто поглядывал на дверь, словно бы ожидая кого-то, и наконец взгляду его ответил какой-то особый стук, видимо, следовавший какому-то весьма древнему и тайному коду. На сей раз он даже не заглядывал в глазок, но сразу отодвинул громадный дубовый засов и вынул болт, отперев тяжелую дверь и настежь распахнув ее перед звездами и туманом.

А затем под звуки забытых гармоний потекли в комнату из глубин все грезы и воспоминания Могущественных потонувшей земли. И золотые пламена играли на жидких локонах так, что ошеломленный Олни почтительно склонился перед ними. Тут был и Нептун со своим трезубцем, и спортивного вида тритоны с фантастическими nereидами, и на спинах дельфинов была пристроена огромная зубастая раковина, в которой ехал одновременно веселый и жуткий первобытный Ноденс, Владыка Серой Бездны. И таинственно вострубили тритоны, и загадочным образом вторили им nereиды, ударяя в причудливые звонкие раковины, неведомые людям хозяева которых обитают в черных подводных пещерах. А потом убеленный сединами Ноденс протянул свою морщинистую руку и принял Олни вместе со своей свитой в свою просторную раковину, под буйный и вселяющий трепет ропот раковин и гонгов. И в беспредельный эфир отправился этот сказочный поезд, звонкие голоса которого растворялись в раскатах грома.

Всю ночь из Кингспорта наблюдали за своим высоким утесом, когда позволяли это гроза и туманы, и когда чуть за полночь небольшие тусклые окошки погасли, за ними шептались об ужасе и несчастье. А дети Олни и его упитанная жена молились ласковому и благопристойному богу баптистов и надеялись на то, что их странник сумеет одолжить зонт и галоши, если только дождь не прекратится к утру. Наконец насквозь промокший рассвет выбрался на берег из покрытых туманом волн, а бакены торжественно вызванивали свое в водоворотах белого эфира. А в полдень чудесные трубы пропели над океаном, когда Олни, сухой и легконогий, спустился с утеса в древний Кингспорт, и отсветы дальних мест играли в его глазах. Он не мог припомнить того, что грезилось ему в пристроившейся на краю неба хижине по-прежнему безымянного отшельника, не мог рассказать и того, каким образом сумел спуститься с этого утеса, на который не ступала нога человека. Не мог он даже разговаривать на эти темы – иначе как с Жутким Старцем, который впоследствии бормотал ужасные вещи в свою длинную белую бороду, клятвенно утверждая, что с утеса спустился не совсем тот человек, который поднялся на него, и что где-то под серой остроконечной крышей или среди непостижимых просторов,

укрытых зловещим белым туманом, до сих пор обретаётся потерянная душа того, кто был Томасом Олни.

Всю оставшуюся жизнь, все тусклые и тягучие годы, полные серой усталости, философ трудился, ел, спал и без жалоб исполнял все положенные гражданину обязанности. Более не томился он по чарам далеких холмов и не вздыхал о тайнах, подобием зеленых рифов выступающих из бездонного моря. Тожество дней жизни более не угнетало его, и воображение удовлетворялось вышколенными мыслями. Хорошая жена его становилась все упитанней, а дети его выросли, делались более прозаичными и полезными, и он никогда не забывал с гордостью улыбнуться, когда ситуация требовала этого. Во взгляде его более не было того беспокойного света, и он вслушивался в торжественный звон колоколов только по ночам, когда на свободе бродили прежние грезы. С тех пор он никогда не бывал в Кингспорте, ибо домашним его не понравились забавные старинные дома, да еще они жаловались на то, что канализация там невозможно плоха. Теперь у них есть домик на Бристольском нагорье, над которым не возвышаются никакие утесы, а все соседи – люди городские и современные.

Однако по Кингспорту ходят странные слухи, и даже Жуткий Старец признает вещи, неслыханные его дедом. Ибо теперь, когда горластый и буйный ветер задувает с севера мимо того старинного и древнего дома, что сливается с твердью, нарушается наконец то зловещее и задумчивое молчание, прежде бывшее проклятьем морских крестьян Кингспорта. И старики рассказывают о доносящихся оттуда поющих чудесных голосах и о смехе, полном радости, превосходящей все земные блаженства; и говорят, что по вечерам невысокие и крохотные окошки светятся ярче, чем в прежние времена. Они также рассказывают, что яркие северные сияния стали чаще посещать это место и играют на севере переливами замерзших миров, а утес и венчающий его дом кажутся черными фантастическими тенями на фоне фантастических сполохов. Гуще стали и рассветные туманы, и моряки не вполне уверены в том, что доносящийся с моря глухой перезвон создают одни только печальные бакены.

Хуже всего, однако, то, что прежние страхи съезжились в сердцах молодых людей Кингспорта, обнаруживших склонность прислушиваться по ночам к слабым дуновениям северного ветра. Они клянутся в том, что никакого зла или боли не может обретаться в доме с остроконечной кровлей, ибо новые голоса пульсируют счастьем и слышны в них переливы смеха и музыки. Неведомо им, какие повести могут принести морские туманы на эту населенную призраками северную вершину, однако томятся они, желая увидеть хотя бы намек на те чудеса, которые стучатся в закрытую над пропастью дверь, когда небо укутывают самые плотные облака. И патриархи боятся того, что однажды, один за одним, молодые люди отправятся на неприступный, исчезающий в небе утес и узнают те вековые секреты, что таятся под крутой, крытой дранкой крышей, давно ставшей частью скал и звезд и древних страхов Кингспорта. В том, что эти предприимчивые юнцы вернутся назад, старики не сомневаются, однако они полагают, что свет может оставить молодые глаза, а воля – сердца. И они не хотят, чтобы старомодный и изящный Кингспорт с его крутыми улочками и старинными крышами бесцельно влачил свои дни, пока голос за голосом смеющийся хор становится все громче и энергичней в этом ужасном и жутком орлином гнезде, где туманы и грезы туманов останавливаются передохнуть на своем пути от моря на небо.

Они не хотят, чтобы души молодых людей покидали милые очаги и таящиеся под мансардными кровлями таверны старого Кингспорта, как не хотят они и того, чтобы смех и песня на высокой скале делались громче. Ибо если пришедший голос приносит с собой свежий туман с моря и свежий сполох с севера, говорят они, то другие голоса принесут еще больше туманов и еще больше сполохов, или, быть может, старые боги (на существование которых они намекают только шепотком, чтобы не услышал проповедник Конгрегационалистской церкви) появятся из глубин моря и из неведомого Кадата, что в холодной пустыне, и поселятся на сей страшно подходящей для этого скале, столь близко к тихим холмам и долинам простого и бесхитростного рыбацкого люда. Этого не хотят они, ибо простые люди не рады вещам неземным; и к тому же Жуткий Старец часто вспоминает, что именно рассказывал ему Олни о стуке, напугавшем одинокого отшельника, и о черном любопытствующем силуэте, который он заметил в тумане через странные прозрачные круглые стекла в окнах со свинцовыми переплетами.

Впрочем, рассудить все это могут только сами Древние; а тем временем утренний туман, как и прежде, восходит вдоль головокружительного обрыва к островерхому старинному дому... дому седому, с низкими карнизами, возле которого не видно людей, а в окнах каждый вечер зажигаются неяркие огоньки, а северный ветер рассказывает странные повести. Белым перышком возносится он из глубин к братьям своим облакам, полный грез о влажных пастбищах и пещерах левиафана. И когда повести густо роятся в гротах тритонов и раковины в подводных городах трубят бурные мелодии, усвоенные от Древних, тогда великие и ревностные туманы устремляются к небу, нагруженные знанием; и Кингспорт, неловко гнездящийся на своих малых утесах под вселяющим трепет каменным часовым, видит над океаном только таинственную белизну, как если бы край утеса был краем всей земли, и торжественные колокола бакенов вызывают свою песню в чудесном эфире.

Перевод: Юрий Соколов

2012 год